

В. А. Шкерин

«МЫ, ВЕРНОПОДДАННЫЕ ВЕДЕНИЯ ГОРНОГО МАСТЕРОВЫЕ РАБОЧИЕ ЛЮДИ»: СОЦИАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ УРАЛЬСКИХ РАБОЧИХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

В первой половине XIX в. процесс формирования горнозаводского Урала как особой историко-географической области¹ достиг своего апогея. К началу этого периода окончательно оформилась окружная система горнозаводского хозяйства. После временного отступления перед общероссийской унификацией отношений центра и регионов небывалой автономности достигла региональная «горная власть» с ее военизированной структурой и особыми законами (Уставами Горными), возглавляемая главным начальником горных заводов хребта Уральского (подчиненным лишь министру финансов и монарху). В 1806 г. Екатеринбург — столица «горнозаводского царства» — единственный в Российской империи получил юридический статус горного города.

Соответствующие перемены произошли и в уральском горнозаводском социуме: здесь сложились династии горных инженеров и техников, выступавших в роли носителей технико-технологических знаний и поведенческих традиций, причем некоторые из династий встречали XIX в. уже в третьем-четвертом поколении.² Реформа 1807–1814 гг., заменив приписных крестьян неперенными (урочными) работниками, обеспечила вспомогательные производства постоянными профессиональными кадрами (подобно тому, как цеховые

работы изначально выполнялись мастерами). Начиная со второй трети XIX в. потребности заводов в рабочих руках удовлетворялись преимущественно за счет естественного прироста заводского населения. На казенные заводы рекруты отныне поступали лишь взамен отданных в солдаты или по экстраординарным наборам. Покупка крепостных на частные заводы фактически прекратилась к середине века.³ Рабочий фольклор все реже вспоминал о былом крестьянстве, а его новые герои и сюжеты имели заводское, уральское происхождение, отличались чрезмерной конкретностью.⁴

Настоящая статья посвящена особенностям социального (коллективного) самосознания до-реформенных горнозаводских рабочих Урала, как мастеровых, так и неперенных работников. Информацию о самосознании российских трудящихся XVIII–XIX вв. содержат различные исторические источники: произведения фольклора, делопроизводственные документы, статьи горных инженеров, дневники и очерки путешественников. Но, пожалуй, наименее опосредованными, а потому более достоверными представляются народные прошения (челобитные). Как правило, такие прошения писали не сами трудящиеся, а, по их просьбе, грамотные люди: мелкие служащие, мещане, отставные военные. Порой документы прямо указывали на это обстоятельство: «по просьбе... сочинил и набело переписал...» Однако роль наемных сочинителей сводилась лишь к составлению текста в соответствии с канцелярскими требованиями, содержание же определялось и строго контролировалось самими просителями.⁵ Приведен-

¹ Называя горнозаводский Урал историко-географической областью, мы руководствуемся подходом д.и.н. Н. Н. Алеврас, которая, соотнося «горнозаводский Урал с общим геоисторическим пространством Уральского региона», отмечает негодность этих понятий и гетерогенный характер Уральского региона, отводя его горнозаводской части роль регионального «ядра»: «По праву можно сказать, что именно эта промышленная территория Урала определяет его общий исторический облик, а исторические описания различных сторон жизни горнозаводского Урала являются своеобразной визитной карточкой уральской историографии» (Алеврас Н. Н. Уральский регион: историко-культурное единство или многообразие? // Урал в контексте российской модернизации. Челябинск, 2005. С. 42, 43).

² См.: Козлов А. Г. Творцы науки и техники на Урале. Свердловск, 1981. С. 30–32, 153, 154; Пихоя Р. Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII — XVIII вв.). Свердловск, 1987. С. 210, 211.

³ См.: Неклюдов Е. Г. Численность и состав горнозаводского населения и рабочих Урала в предреформенный период (30–50-е гг. XIX в.) // Демографические процессы на Урале в эпоху феодализма. Свердловск, 1990. С. 79–82.

⁴ Лазарев А. И. Соотношение вымысла и действительности в рабочем фольклоре // Фольклор Урала: Рабочий фольклор. Свердловск, 1978. С. 28–31.

⁵ См.: Алефиренко П. К. Крестьянское движение и крепостной вопрос в России в 30–50-х годах XVIII века. М., 1958. С. 293; Пундани В. В. Жалобы и прошения государственных крестьян Тобольской губернии в первой половине XIX века // Из истории Южного Урала и Зауралья. Вып. 9. Челябинск, 1975. С. 63, 64; Раскин Д. И. Использование законодательных актов в крестьянских челобитных середины XVIII века (Материалы к изучению общественного сознания русского крестьянства) // История СССР. 1974. № 4. С. 180–182 и др.

Шкерин Владимир Анатольевич — д.и.н., в.н.с. сектора локальной истории и истории повседневности Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: shkerin_uit@mail.ru

ные ниже выводы базируются на материалах более трехсот прошений уральских рабочих первой половины XIX в., хранящихся в архивах Санкт-Петербурга (РГИА), Москвы (РГАДА) и Екатеринбурга (ГАСО).

Какую общность подразумевали рабочие, употребляя местоимение «мы»? Конечно, значение термина менялось в зависимости от ситуации, и у любого субъекта могло быть неопределенное множество его значений. Однако имелись категории «мы», превосходившие своими экзистенциальными значениями все прочие, т. е. существовали общности, вне которых субъект не был способен себя представить, осознать. Именно с этими категориями были связаны его представления о своем общественном статусе, а следовательно, о правах, обязанностях, потребностях и т. д.

Противостоявшее определению «мы» понятие «они» обладало сходными характеристиками: наряду с ситуативными и даже случайными значениями, в иерархии «они» имелись и принципиально важные для осознания самого «мы». Уральским рабочим, в большинстве своем имевшим крестьянские корни,⁶ принципиально важно было отделить себя от крестьянства. Это отчуждение было взаимным: представители сельского и заводского миров, жившие бок о бок, «в суседах», редко создавали совместные семьи. Рабочие относились к крестьянам с высокомерием, а те в свою очередь почитали заводской и рудничный труд греховным.⁷ С чем еще, кроме ада, мог ассоциироваться у крестьян заводской цех — громадное темное помещение, внутри которого царили лязг и грохот, пылало жаркое пламя, лились потоки расплавленного металла?

При этом тип уральского рабочего был далек от хрестоматийного пролетария, ничего не имевшего, «кроме своих цепей». Пословица гласила: «Уральский мужик и с рудой, и с за-

водом дружит и от хлеба не бежит».⁸ На Урале рабочие жили (а нередко и до сих пор живут) в собственных бревенчатых домах с огородами, держали домашний скот и птицу. Непременные работники наделялись пашенной землей и сенокосными угодьями, мастеровые — только сенокосами. Но если мастеровой «собственными своими руками и иждивением» расчищал участок под пашню или покупал кем-то уже возделанный участок, такая земля становилась его пожизненным владением и передавалась по наследству. В период с 1 июля по 1 сентября рабочим предоставлялись ежегодные отпуска. Устав Горный 1832 г. определял условия предоставления и продолжительность таких отпусков: 30 рабочих дней — для Богословского округа и 20 — для прочих казенных округов с сохранением жалованья и выдачи провианта. Устав 1857 г. уравнивал продолжительность отпусков (25 рабочих дней — для всех казенных округов) и отменил на это время начисление жалованья.⁹ В некоторых округах мастеровые получали пашенную землю при отставке. Так, в прошении «мастерской жёнки Златоустовского завода Марьи Фёдоровой по мужу Шемякиной» говорилось: «Муж мой выслужил указанные годы без всякого порока, неизменной нравственностью и поведением, за каковую службу снабжаются отставные мастеровые сенокосными и хлебопашенными местами...»¹⁰

Связь дореформенных рабочих с землей — одна из давних и, можно сказать, постоянных тем уральской историографии.¹¹ Опираясь на

⁸ Крылатые слова на Урале / собр. и сост. В. П. Бирюков. Свердловск, 1960. С. 19.

⁹ Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. 7, ч. 3. Ст. 129, 130; СПб., 1847. Т. 7. Ст. 39; СПб., 1857. Т. 7. Ст. 334, 430, 431.

¹⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 13. Д. 954. Л. 10б.

¹¹ См.: Голикова С. В. Был ли «человек, привыкший с малолетства к работам на заводе», пахарем? (О сельскохозяйственных занятиях горнозаводского населения дореволюционного Урала) // Горнозаводский Урал в XVIII — начале XX в.: проблемы социокультурной истории. Екатеринбург, 2006. С. 39–60; Кривоногов В. Я. К вопросу о земледелии и животноводстве в горнозаводских округах Урала в дореформенное время // Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале. Свердловск, 1963. С. 58–67; Маханек К. С. Надельные земли в помещичьих имениях Урала в 40–50-х годах XIX века (по материалам пермского майората Стргановых) // Исследования по истории Урала. Вып. 1. Пермь, 1970. (Ученые записки ПГУ, № 227). С. 99–108; Ремезов Н. В. Заводские люди и их земли // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С. 235–252; Рутман Р. Е. О земельном использовании рабочих горнозаводского Урала накануне реформы 1861 г. // Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале. С. 82–88; Трефилова А. А. Из истории дореформенного земледелия помещичьих заводов Пермской губернии // Исследования по истории Урала. Пермь, 1964. (Ученые записки. ПГУ, № 108). С. 67–80 и др.

⁶ По рекрутским наборам на казенные заводы случалось попадать и представителям иных сословий. Так, пермская мещанка Марфа Карнаева писала в 1837 г. цесаревичу Александру Николаевичу о сыне — мастеровом Мотовилихинского завода (РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 83. Л. 80). Отмечен даже единственный случай отдачи в рекрутский набор на заводы дворянина. Такой казус произошел в 1813 г. с потомком польского шляхтича Иваном Якубовским, который только в 1831 г. сумел добиться увольнения с Березовских золотых промыслов и восстановления в дворянском звании (Шкерин В. А. Уральские арабески // Родина: Российский исторический журнал. 2002. № 9. С. 48–50; ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1592. Л. 30б., 180б., 19, 42, 42об.; РГИА. Ф. 37. Оп. 16. Д. 140. Л. 20–23).

⁷ См.: Голикова С. В. «Люди при заводах»: Обыденная культура горнозаводского населения Урала XVIII — начала XX века. Екатеринбург, 2006. С. 16–18, 20–22.

выводы предшественников и отчасти на собственные материалы, попытаемся ответить на вопрос об отношении уральских рабочих к пашенному земледелию. Огороды, сенокосы и домашний скот имелись почти во всех домохозяйствах (96–99%). Пашенное же земледелие у рабочих Вятской губернии практически отсутствовало. В северных казенных Гороблагодатском и Богословском округах Пермской губернии оно было развито слабо, а из девяти частных округов Екатеринбургского уезда пашни возделывали лишь в трех — Сысертском, Рождественском и Кыштымском. При этом сысертские рабочие признавались Александру I, посетившему Урал в 1824 г.: «...хлебопашества имеем самую малость, посею что земля по хлебопашеству не способна и не хлебородна, почасту бывает летний мразолей...»¹² Даже заводское население южной, Оренбургской, губернии не обеспечивало себя хлебом. Общий вывод сформулировал главный начальник заводов генерал-лейтенант В. А. Глинка, писавший в 1841 г. об «Уральских горных заводах, населенных народом промышленным и не занимающимся почти совсем земледелием».¹³

Хлебопашество еще не окончательно ушло из жизни уральских рабочих, однако уже не играло в ней значительной роли. Более того, аграрный труд воспринимался рабочими как вынужденный: они предпочли бы увеличение продовольственного пайка, а не пашенного участка. К примеру, с 1841 по 1849 гг. продолжались волнения непременных работников Алапаевских заводов наследниц С. С. Яковлева, вызванные сокращением пайка при одновременном увеличении свободного времени для хлебопашества.¹⁴ Даже при избытке рабочих рук администрация казенных и посессионных заводов не имела права возвращать в крестьянство мастеровых и непременных работников, а заводчики — крепостных на заводском праве. Крепостные на помещицком праве оставались единственной категорией заводских работников, переселение которых в деревню не запрещалось законом. Но и подобные примеры в первой половине XIX в. были единичны. Такой шаг предпринял барон Г. А. Строганов при закрытии Екатеринославского и Елизавето-Нердвинского заво-

дов.¹⁵ Лука Канин, отработавший на последнем предприятии всего три года, писал барону: «По воле же Вашего Высокопревосходительства вышеозначенный завод с мая 1824-го года уничтожен. По уничтожении ж я, именованный, с братьями из числа заводских выключен, а возвращен по-прежнему в крестьяне. Имевшая же при покойном родителе пашенная земля и сенные покосы матерью для пропитания ее с малолетними детьми проданы в вечное пользование. Некоторое число хотя и осталось пашенной земли без продажи, но, по случаю долговременного непосева хлеба, поросла лесом. И того ради Вашего Высокопревосходительства Милостивого Государя всенижайше прошу в рассуждении сиротства и бедного стояния милостиво приказать меня, вышеименованного, зачислить в промысловые работники и определить для обучения в таковую ж столярную работу, на что и ожидаю милостивой резолюции».¹⁶ Судя по дате (2 июня 1824 г.), составление прошения стало первым делом, которым молодой человек занялся после увольнения с завода. Покинуть деревню ему было легче, чем выкорчевать шестилетнюю поросль на отцовском участке. Пермские соседи Строгановых — Абамелек-Лазаревы — также пытались перевести часть рабочих в деревню, но охотников нашлось мало, а силовое решение вопроса создало угрозу массовых волнений.¹⁷

Проблема размежевания с крестьянством была общей для всех уральских рабочих. Для мастеровых и непременных работников казенных заводов не менее актуальным представлялось сравнение с военнослужащими, для чего имелись весомые юридические основания. Издание в 1847 г. «Штатов и основных рабочих положений горных казенных заводов Хребта Уральского» подытожило длительный процесс формирования военного (военно-заводского) режима в казенной горнозаводской промышленности и соответствующего сближения правовых статусов «рабочих чинов» и «нижних воинских чинов».¹⁸

¹² РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 163. Л. 400б.

¹³ Рабочее движение в России в XIX веке: сб. док. и материалов. М., 1955. Т. 1, ч. 2. С. 277.

¹⁴ Там же. С. 281–313.

¹⁵ См.: Андреев И. Н. Забытые заводы Строгановых // Строгановы и Пермский край: материалы науч. конф. Пермь, 1992. С. 88–92.

¹⁶ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 4268. Л. 7, 7об.

¹⁷ См.: Байкова С. М. Положение рабочих на заводах Абамелек-Лазаревых в первой половине XIX в. (К вопросу о формировании и положении рабочих уральской металлургической промышленности) // Тр. Ин-та истории АН БССР. Вып. 3. Минск, 1958. С. 91–109.

¹⁸ Павловский Н. Г. Правовой статус мастеровых и рабочих казенных заводов Урала в первой половине XIX в. // Власть, право и народ на Урале в эпоху феодализма. Свердловск, 1991. С. 130–142.

При посещении Урала в 1837 г. цесаревич Александр Николаевич получил ряд прошений, в которых поступление «в военную службу» и «в завод» трактовалось как единый процесс: «Поступив мы, нижеподписавшиеся, за очередь по рекрутскому набору в военную службу и определены в Мотовилихинский казенный завод Пермской губернии и уезда в мастеровые, в каковой службе находимся постоянно»; «Родитель мой... отдан в военную службу в уездном городе Уфе, а из оного препровожден с прочими в город Екатеринбург, а из сего в Березовский завод, где и помещен в мастеровые»; «Имея я, низайшая, у себя законного мужа Якова Иванова Саламатова, отданного в военную службу в 1815-м году, из рекрутов поступил в мастеровые на Екатеринбургские казенные горные заводы».¹⁹ Покидая прежние места жительства, рекруты еще не знали, где придется служить — в армии или на заводах. Так, за участие в волнениях 1830 г.²⁰ группа рабочих Сергинских заводов купцов Губиных была отправлена хозяевами «в Пермское рекрутское присутствие для сдачи в военную службу, в которую оказался 1 годный, а достальные 8 человек обращены в Горное правление, которое... распорядилось отправить нас в Богословские заводы».²¹ В 1846 г. крепостной мастеровой Добрянского завода Ефрем Коченгин писал заводчику графу С. Г. Строганову: «В случившийся... рекрутский набор... отдали родителя моего Вавила в рекруты без очереди... но как по сдаче он к строевой службе был по случаю высохшей руки не способен, то его и перевели в казенные заводы в мастеровые».²²

В отличие от рабочих частных заводов, казенные мастеровые и неперемные работники называли выполнение своих заводских обязанностей не «работой», а именно «службой». И армейские, и заводские отставные получали личную свободу. Случалось, что мастеровые, рекрутированные из крепостных, ходатайствовали о переводе на заводы своих сыновей.²³ Это был долговременный, но верный способ освобождения. Срок службы в армии ограничивался 25 годами, лишь «бывшие в штрафах» теряли право на отставку. Четверть же века за-

водской службы составляла только минимальный срок, после которого начальство могло отпустить рабочего. Основанием для отставки служило признание «неспособности к службе». Отсутствие фиксированного срока службы остро ощущалось рабочими. «Служа мы, верно-подданные Его Императорского Величества, ... в разных заводских работах по 25-ти и более лет, не можем получить совершенные от службы отставки и не знаем, сколько положено нам постоянно служить», — писали в 1837 г. цесаревичу Александру более полусотни мастеровых Верхне-Туринского завода.²⁴ Лишь «Штаты...» 1847 г. установили единый срок службы казенных мастеровых и урочных работников, составивший 35 лет. Беспорочная служба в течение этого срока предоставляла рабочему право самому решать, продолжить ли заводскую службу или выйти в отставку. При этом выход в отставку не сопровождался обязательным начислением пенсии. Сами рабочие просили сначала об отставке²⁵ и уже затем хлопотали о пенсионе.²⁶

Любопытное прошение на имя цесаревича Александра подали в 1837 г. мастеровые Мотовилихинского завода Яков Харитонов, Василий Сипачёв и Федот Коржаков. Они просили об отставке на том основании, что «до вступления... в мастеровые были помещичьи крестьяне Пензенской губернии, были в эпоху 1812 года в милиции на помощь Российским войскам, встречали разные труды, наконец, поступили в мастеровые с 1816 года в помянутый завод», и сетовали, что «прежняя... служба не зачтена».²⁷ Уподобив иррегулярную службу воинской, добавив к ней службу заводскую и умолчав о годах перерыва между ними, податели в сумме получали искомый срок — четверть века службы.

Иначе осознавали свои отношения с заводами (и через них с государством, с царем) сосланные на Урал преступники. Для них это были «работы», а не «служба». Так, в одном из их прошений читаем: «Мы, нижеявственные верноподданные рабы, за содеянные каждым преступления сосланы к употреблению Екатеринбургских золотых промыслов в Березовский завод в работы, из коих есть около двадцати, двадцати пяти и двадцати семи лет

¹⁹ РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 84. Л. 26, 173; Д. 90. Л. 5.

²⁰ Горловский М. А., Пятницкий А. Н. Из истории рабочего движения на Урале: Очерки о положении крепостных рабочих Среднего Урала и их борьбе за ликвидацию крепостничества (1800–1870 гг.). Свердловск, 1954. С. 216.

²¹ РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 459. Л. 370б.

²² РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 4625. Л. 223.

²³ РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 88. Л. 2–3.

²⁴ Там же. Д. 84. Л. 28.

²⁵ Там же. Л. 26–27, 28, 30; Д. 86. Л. 96, 96об.

²⁶ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–20б.; Ф. 44. Оп. 1: Д. 83. Л. 95–96, 99–100; Д. 84. Л. 179, 179об.; Д. 86. Л. 95–96.

²⁷ Там же. Ф. 44. Оп. 1. Д. 84. Л. 30.

находились в оной и чрез сию работу приведены в настоящее бессилие...» Соответственно и просили осужденные не об отставке и тем более не о пенсии, а «повелеть... нас, верно-подданных, от заводских работ освободить», сделав «государственными поселянами».²⁸

Ориентация на положение и права военнослужащих прочно укоренилась в сознании рабочих. Вдова мотовилихинского мастера-вова Прасковья Коротаева в прошении 1825 г. на имя Александра I жаловалась: «Настояще и знать не могу, в какой статье мне находиться и какому принадлежу роду жизни: то есть мастерскою женой называться или солдатскою...»²⁹ Однако, судя по содержанию самого прошения и сопутствующих документов, никто и не посягал называть ее «женой солдатскою», параллель же в тексте лишь отразила устойчивую ассоциацию в сознании «мастерской жены». Мастерские того же завода, просившие в 1837 г. цесаревича об отставке, подчеркивали, что увольнять их следует на тех же основаниях, «как нижние воинские чины на общих правилах увольняются».³⁰

Но, сверяя свой правовой статус со статусом «нижних воинских чинов», рабочие казенных предприятий, конечно же, осознавали разницу между собой и солдатами. Заводская служба освобождала их от всех государственных повинностей, и в первую очередь от рекрутчины, хотя в парадоксальной российской действительности случались нарушения и этого правила. 19 июня 1809 г. Александр I получил прошение, авторы которого писали: «...как деды, отцы, равно и мы, природные Вашего Императорского Величества мастерские люди, находящиеся в Березовском заводе при золотых промыслах и в Екатеринбургском Монетном дворе у печатания медной монеты не менее как от 17-ти, 25-ти и осьми лет, ныне же мы, беднейшие, поступили сего 1809 года вновь в рекрутской набор вместо чернососных крестьян... Мы, нижайшие, от службы Вашего Императорского Величества никогда не отрицательны, по смерть свою со всеусердием служить должны, только прежняя наша служба остается забвенною».³¹ Обида рабочих была понятна, и вопрос не представлял казуальной сложности: в тот же день монарх распорядился об их возвращении на заводы.

²⁸ Там же. Ф. 37. Оп. 16. Д. 140. Л. 24–25.

²⁹ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 53. Л. 2.

³⁰ Там же. Ф. 44. Оп. 1. Д. 84. Л. 260б.

³¹ Там же. Ф. 37. Оп. 16. Д. 62. Л. 2, 20б.

И отмежевываясь от крестьян, и уподобляя свое положение статусу военнослужащих, рабочие отмечали исключительную тяжесть своего положения.

Мужики вы, мужики,
Одним словом — дураки!
Вы во шахтах не бывали —
Нужды с горем не видали, —

пелось в уральской рабочей песне.³² В детских же воспоминаниях П. П. Бажова сохранился образ отставного мастерского Платона, выдержавшего «тридцать лет военно-каторжной работы на заводе». Старик рассказывал будущему писателю: «Солдатское житье супротив нашего вроде разгулки. Потому — солдат не каждый день кровь проливает, а на заводе чуть что, ложись! Так исполосуют, что еле жив останешься».³³ Эти примеры — не жалобы, а похвальба. Тяжесть положения рабочих подчеркивала ценность приобретенного социального опыта, служила доказательством превосходства над крестьянами и даже над военнослужащими.

Среди социально значимых и устойчивых понятий «мы», присущих уральским горнозаводским рабочим, следует выделить земляческие (коллективные прозвища «хохлы», «туляки», «горчишники», «гамаюны», «пиканники», «крупеники» присваивались переселенцам из различных губерний и местностей³⁴), конфессиональные (среди рабочих были мусульмане и христиане, а в числе последних — приверженцы официального православия, единоверцы, старообрядцы-поповцы и разнообразные беспоповцы, наконец, скопцы и иные сектанты), национальные (русские, украинцы, татары, башкиры, зыряне и пр.). Но, разумеется, базовое понятие «мы» уральских рабочих определялось их общим участием в горнозаводском производстве, комплексом возникавших в этой связи трудовых и правовых отношений.

Основой организации уральского горнозаводского хозяйства была окружная система. В первой половине XIX столетия в ведении

³² Дореволюционный фольклор на Урале. Свердловск, 1936. С. 281.

³³ Бажов П. П. Дальнее — близкое: повести, очерки, статьи, выступления. Свердловск, 1989. С. 187.

³⁴ См.: Головнёв А. В., Зевако Ю. В. Русские и татары Среднего Урала: опыт локального исследования идентичности // Урал. ист. вестн. 2007. № 4(21). С. 149; Дореволюционный фольклор... С. 22–24; Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка (в уральском горнозаводском поселке Висим). Свердловск, 1967. С. 45–47, 254, 255 и др.

Уральского Горного правления находилось шесть казенных горных округов и около сорока частных, расположенных на территории Пермской, Оренбургской, Вятской и Казанской губерний. Каждый горный (горнозаводский) округ представлял собой хозяйственно-территориальный комплекс, объединявший металлургические заводы, рудники и прииски, леса, использовавшиеся для углежжения, реки и гидротехнические сооружения, дававшие энергию, а также вспомогательные производства. Округ был той производственной единицей, в рамках которой реализовывалась трудовая деятельность рабочего.

Временные переводы рабочих из одного цеха в другой были скорее правилом, чем исключением. Нормой считалось и одновременное их прикрепление к двум цехам. Так, мастеровой Добрянского завода Иона Шипунин писал владельцу графу С. Г. Строганову в 1846 г., что работает «весной и летом в плуцильной фабрике подмастерьем у пробивки листового железа, а в зимнее время по кричному цеху».³⁵ (Стоит отметить, что кричные цеха продолжали работать и в то время, когда прокатные цеха вынужденно простаивали из-за маловодья.) Временные переводы рабочих на другие заводы внутри округа также не были редкостью, но вызывали недовольство «от домов отлучками». Так, мастеравые Кыштымских заводов наследниц купца Л. И. Расторгуева, недовольные командировками на Нязепетровский и Шемахинский заводы, неоднократно писали в 1822 г., что таким «отдаленным отлучкам законом быть не положено».³⁶ Практиковались переводы в пределах округа и на постоянную работу и жительство. Например, строгановский мастеровой Степан Пермиков писал в 1846 г., что ему довелось в течение жизни побывать и промысловым работником в Усолье, и рабочим пильной фабрики Очёрского завода, и мастеровым Павловского завода.³⁷

Для перевода же в другой округ (для рабочих частных округов это означало смену владельца) требовалась веская причина, такая как покупка-продажа крепостных, рекрутский набор или ссылка за проступки. На Урале местом ссылки служили северные, Гороблагодатский и Богословский, округа, а также Березовские золотые прииски.

Между юридическими категориями «непременные работники» и «мастеровые» не существовало непреодолимых преград. Уже в Положении о замене приписных крестьян непременными работниками от 15 марта 1806 г. утверждалось, что последние «не составляют какого-либо особого состояния, а суть то же, что мастеровые и рабочие люди»,³⁸ что подтверждает и практика. Так, комиссия по осмотру горных заводов докладывала в 1822 г., что мастеровые и непременные работники «по рассмотрению горного начальника на основании предоставленной ему Горным положением власти беспрестанно перемещаются из одного звания в другое, так что кто в прошлом году был мастеровым, на следующий год поступает в непременные работники, и обратно. Притом по стечению обстоятельств и нужд заводских часто случается, что и те и другие обращаются на некоторое время на одну работу, как-то: рубку дров на курнях, на добычу руд и прочее».³⁹ Со временем характер работ, выполнявшихся непременными (урочными) работниками и мастеровыми, еще более сблизился: Устав Горный 1842 г. вменял в обязанность первым не только рубить дрова и жечь кучи, но и выполнять «заводские работы... точно так, как и всякий мастеровой и рабочий человек». Стирались и юридические грани. Если в «Штатах...» 1827–1829 гг. и Уставе Горном 1842 г. выделялись отдельные категории «мастеровые и работные люди» и «непременные работники», то в «Штатах...» 1847 г. и Уставе 1857 г. они были объединены в понятие «рабочие чины».⁴⁰

О масштабах солидарности уральских рабочих говорит то, что массовые волнения, вспыхнув на одном из заводов, нередко охватывали весь частновладельческий округ.⁴¹ При этом избирались, как правило, несколько ходатаев, говоривших и подававших прошения от имени всех рабочих. Во время волнений обычные деления общезаводского «мы» теряли важность и силу. Безымянный автор записки о бунте 1841 г. на Ревдинском заводе Демидовых писал

³⁸ ПСЗ. СПб., 1830. Т. 29. № 22498.

³⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 16. Д. 135. Л. 3, 30б.

⁴⁰ Неклюдов Е. Г. К вопросу о численности и составе рабочих кадров горнозаводской промышленности Урала в 30–40-х гг. XIX в. // Рабочие горнозаводской промышленности Урала в дореформенный период. Свердловск, 1987. С. 36.

⁴¹ В казенных горных округах Урала волнений не было со времени замены в 1807–1814 гг. приписных крестьян непременными работниками и вплоть до реформы 1861 г. Единственным исключением стал коллективный отказ мастеровых Березовского завода выйти на работы в пасхальные праздники в 1820 г.

³⁵ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 4625. Л. 194, 194об.

³⁶ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 662. Л. 128, 174, 230об.

³⁷ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 4621. Л. 298, 298об.

о том, как легко состоялось единение приверженцев различных религий: «...возмутившиеся углепоставщики отправились с Еланского моста на площадь мимо православной церкви, и, несмотря на то что между православными на половину в толпе находилось единоверцев и раскольников, все они, остановясь у церкви, молились Богу, и каждый в имевшуюся у церкви кружку делал посильный приклад».⁴²

Не теряли общности с рабочей массой представители заводских торгово-предпринимательских кругов и заводские служители: и те и другие оставались крепостными и могли быть возвращены в цех по воле администрации и заводчиков. Промышлявший розничной торговлей кыштымский мастерской Клим Косолапов, разорившийся в 1821 г., «не стал отправлять своей урочной работы: наймовать стало нечем, а сам работать отвык». А уже на следующий год он стал лидером рабочего волнения, охватившего весь Кыштымский округ.⁴³ На перевод заводских служителей в чис-

ло рабочих жаловался Александру I в 1824 г. поверенный мастеровых Невьянских заводов Прокопий Мельшаков: «...приказчиками Зыкиными во отомщение и совершенное угнетение меня, верноподданного, родителя моего, немолодых уже лет Ефима Панфилова Мельшакова, и товарища Ивана Уткина, отрешив от конторских привычных должностей... начали употреблять в тяжкие заводские работы».⁴⁴

С другой стороны, волнения в одном горнозаводском округе редко находили отклик в соседних округах. Сходство условий жизни и интересов рабочих различных округов еще не была осознана ими как основа социального единства солидарности. Базовое понятие «мы» объединяло уральских дореформенных рабочих в пределах отдельных горнозаводских округов, что обуславливалось их совместным участием в производственном процессе, и соответствующая территориальная ограниченность массовых волнений лишь подтверждала эту закономерность.

Ключевые слова: *горнозаводский Урал, горный округ, мастеровые, непременные работники, первая половина XIX века, социальное (коллективное) самосознание*

Vladimir A. Shkerin

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology,
Ural branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: *shkerin_uit@mail.ru*

“WE, THE LOYAL SUBJECTS OF THE MINING ADMINISTRATION DISTRICT, CRAFTSMEN AND WORKING PEOPLE”: SOCIAL IDENTITY OF THE URAL WORKERS OF THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

The paper presents an analysis of the specifics of the social (collective) identity of the mining and metals industry workers of the Ural in the first half of the 19th century. The author believes that the basic concept of “we” was a collective reference to the workers employed in the main and auxiliary production processes within the bounds of one mining and metals administration, which was an economic and territorial administrative unit embracing metallurgical factories, iron and gold mines, forests, rivers and hydro-technical facilities, as well as all kinds of auxiliary production facilities. During the historical period under study the idea of uniformity of the interests of the workers of different administrative districts did not yet gain common recognition.

Key words: *Urals mining and metallurgical, mining district, artisans, workers are indispensable, the first half of the XIX century, social (collective) consciousness*

REFERENCES

Alefirenko P. K. Moscow: AN SSSR, 1958, 422 p. (in Russ.).

Alevras N. N. *Ural v kontekste rossiyskoy modernizatsii: sb. nauch. tr.* (Urals in the context of Russia's modernization: collected papers). Chelyabinsk: Kamennyu poyas, 2005, pp. 38–45. (in Russ.).

Andreyuk I. N. *Stroganovy i Permskiy kray: materialy nauchnoy konferentsii* (Stroganoff and Perm Region: Materials Science Conference). Perm: b/i, 1992, pp. 88–92. (in Russ.).

⁴² ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Л. 140б., 15.

⁴³ Кулагина Г. А. К вопросу о руководителях волнений уральских мастеровых в 20-х годах XIX столетия // Из истории Урала. Свердловск, 1963. С. 157–163.

⁴⁴ Рабочее движение в России... М., 1955. Т. 1, ч. 1. С. 733, 734.

- Baykova S. M. *Trudy Instituta istorii AN BSSR: sb. nauch. tr.* (Proceedings of the Institute of History of the Academy of Sciences of the BSSR: collected papers). Minsk: AN BSSR, 1958, Issue 3, pp. 91–109. (in Russ.).
- Bazhov P. P. Sverdlovsk: Sredne-Uralskoe knizhnoe izd-vo, 1989, 384 p. (in Russ.).
- Dorevoljutsionnyy folklor na Urale* (Pre-revolutionary folklore in the Urals). Sverdlovsk: Sverdlovskoe knizhnoe izd-vo, 1936, 289 p. (in Russ.).
- Folklor na rodine D. N. Mamina-Sibirjaka* (Folklore at home D. N. Mamin-Sibiryak). Sverdlovsk: UrGU, 1967, 304 p. (in Russ.).
- Golikova S. V. Ekaterinburg: BKI, 2006, 284 p. (in Russ.).
- Golikova S. V. *Gornozavodskiy Ural v XVIII — nachale XX v.: problemy sotsiokulturnoy istorii: sb. nauch. tr.* (Ural Mining and Metal in the XVIII — beginning of XX century: Issues of social and cultural history: collected papers). Ekaterinburg: BKI, 2006, pp. 39–60. (in Russ.).
- Golovnev A. V., Zevako Yu. V. *Ural'skij istoriceski vestnik* (Ural Historical Journal), Ekaterinburg, 2007, № 4 (21), pp. 149–151. (in Russ.).
- Gorlovskiy M. A., Pyatnitskiy A. N. Sverdlovsk: Sverdligiz, 1954, 378 p. (in Russ.).
- Kozlov A. G. Sverdlovsk: Sredne-Uralskoe knizhnoe izd-vo, 1981, 224 p. (in Russ.).
- Krivosnogov V. Ya. *Iz istorii krestyanstva i agrarnykh otnosheniy na Urale: sb. nauch. tr.* (From the stories of peasants and agrarian relations in the Urals: collected papers). Sverdlovsk: UrGU, 1963, pp. 58–67. (in Russ.).
- Krylatye slova na Urale* (Catch phrase in the Urals). Sverdlovsk: Sverdlovskoe knizhnoe izd-vo, 1960, 120 p. (in Russ.).
- Kulagina G. A. *Iz istorii Urala: sb. nauch. tr.* (From the history of the Urals: collected papers). Sverdlovsk: UrGU, 1963, pp. 157–163. (in Russ.).
- Lazarev A. I. *Folklor Urala: Rabochiy folklor: sb. nauch. tr.* (Folklore Ural: Operation Folklore: collected papers). Sverdlovsk: UrGU, 1978, pp. 28–36. (in Russ.).
- Makhanek K. S. *Issledovaniya po istorii Urala: sb. nauch. tr.* (Studies in the History of the Urals: collected papers). Perm: PGU, 1970, Issue 1, pp. 99–108. (in Russ.).
- Neklyudov Ye. G. *Demograficheskie protsessy na Urale v epokhu feodalizma: sb. nauch. tr.* (Demographic processes in the Urals, in the era of feudalism: collected papers). Sverdlovsk: UrO AN SSSR, 1990, pp. 77–87. (in Russ.).
- Neklyudov Ye. G. *Rabochie gornozavodskoy promyshlennosti Urala v doreformennyy period: sb. nauch. tr.* (Workers in the mining industry in the Urals pre-reform period: collected papers). Sverdlovsk: UrO AN SSSR, 1987, pp. 27–47. (in Russ.).
- Pavlovskiy N. G. *Vlast, pravo i narod na Urale v epokhu feodalizma: sb. nauch. tr.* (Authority, right, and the people in the Urals in the feudal era: collected papers). Sverdlovsk: UrO AN SSSR, 1991, pp. 127–150. (in Russ.).
- Pikhoya R. G. Sverdlovsk: Sredne-Uralskoe knizhnoe izd-vo, 1987, 272 p. (in Russ.).
- Pundani V. V. *Iz istorii Yuzhnogo Urala i Zauralya: sb. nauch. tr.* (From the history of the Southern Urals and Trans-Urals: collected papers). Chelyabinsk: ChGPI, 1975, Issue 9, pp. 60–64. (in Russ.).
- Rabochee dvizhenie v Rossii v XIX veke: sbornik dokumentov i materialov* (The labor movement in Russia in the XIX century: a collection of documents and materials). Moscow: Gospolitizdat, 1955, Vol. 1, Part 1, 928 p.; Part 2, 744 p. (in Russ.).
- Raskin D. I. *Istoriya SSSR* (History of the USSR), 1974, № 4, pp. 174–192. (in Russ.).
- Remezov N. V. *Iz istorii feodalizma i kapitalizma v Bashkirii: sb. nauch. tr.* (From the history of feudalism and capitalism in Bashkortostan: collected papers). Ufa: BF AN SSSR, 1971, pp. 235–252. (in Russ.).
- Rutman R. Ye. *Iz istorii krestyanstva i agrarnykh otnosheniy na Urale: sb. nauch. tr.* (From the stories of peasants and agrarian relations in the Urals: collected papers). Sverdlovsk: UrGU, 1963, pp. 82–88. (in Russ.).
- Shkerin V. A. *Rodina* (Motherland), 2002, № 9, pp. 48–51. (in Russ.).
- Trefilova A. A. *Issledovaniya po istorii Urala: sb. nauch. tr.* (Studies in the History of the Urals: collected papers). Perm: PGU, 1964, pp. 67–80. (in Russ.).
- Ural v ego zhivom slove: Dorevoljutsionnyy folklor* (Ural in his living word: Pre-revolutionary folklore). Sverdlovsk: Sverdlovskoe knizhnoe izd-vo, 1953, 242 p. (in Russ.).